

Так, рукопись творений Дионисия Ареопагита XVII в. имеет множество кропотливейших поправок и заметок. Писец ее пишет: «Переводы (оригиналы. — *Д. Л.*) промеж собою не сходятся, и сие не вемы, чего ради... Островский перевод не правлен; а сей писец молод был, много разума (смысла. — *Д. Л.*) и речей (слов. — *Д. Л.*) растерял в точках и запятых... А еже недописи в переводах, и то бывает от неискусных каллиграфов: написав книгу, да не потщится справити ея, и от того многими леты растлеваются и добрые переводы»¹. По существу можно считать, что такая правленная рукопись имеет два текста: исправленный и неисправленный. При подготовке текста к печати, при подборе разночтений текстолог обязан считать такой список за два, а иногда, если исправление велось неоднократно, то и за несколько.

Практически важно бывает установить — делались ли поправки в рукописи самим ее писцом или они делались кем-то другим; вносились ли они для исправления текста, казавшегося недостаточно точным, правильным или в чем-либо неясным по самому тексту, или для того чтобы восполнить лакуны, неясно читающиеся места (выцветшие, смытые, порванные и т. д.).

Текстолог по возможности должен уяснить себе цели книжника, вносившего дополнения или исправления, так же точно, как и самого писца. Человек — это интересы, психология, образование, склонности, идеология, а за человеком — общество должны и в данном случае стоять в центре интересов текстолога.

Работа переплетчика

От писца исписанные тетради поступают к переплетчику. Этим переплетчиком может быть сам писец рукописи или кто-то другой. Рукопись может переплетаться сразу же после написания и много времени спустя. Ветхий переплет рукописи может потребовать новой работы переплетчика². Переплетчик может перепутать тетради, потерять тетрадь или отдельные листы, он может вплести в рукопись отдельные листы не на свое место, может вплести оторвавшийся лист наружным краем внутрь и т. д.³ Иногда в уже переплетенную рукопись вставляются новые листы и тетради⁴. Все это в дальнейшей переписке может так или иначе отразиться на судьбе текста.

¹ *А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. С. 99.*

² Отметим, что большинство переплетов рукописей, особенно древнейших, не современны самим рукописям.

³ Отметим, что чаще всего отрывались последние листы в рукописи. Это происходило потому, что книги хранили в древнерусских библиотеках положенными плашмя (а не поставленными на ребро, как это практикуется сейчас). Если рукопись не была еще переплетена, естественно, больше всего страдали именно последние листы рукописи. Они отрывались, и их обычно клали затем для сохранения в середину рукописи.

⁴ Ср. указание древних писцов: «А в готовую книгу в середку вставить тетрадь» (*П. Симоны. К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении, вып. 1. СПб., 1906. С. 23).*

*

На судьбе текста может отразиться и другое: утраты отдельных его мест, приписки на полях, сделанные читателями, которые затем последующие переписчики вписывают часто в текст, записи на чистых листах в конце или в середине текста, которые также подряд переписываются иногда писцами, и т. д.

Нет списка без ошибок. Ошибок может быть больше или меньше. Среди ошибок могут преобладать ошибки то одного, то другого типа. Один писец по преимуществу пропускает, когда запоминает текст, другой плохо читает. Есть писцы, делающие специфические диалектные ошибки при самодиктанте. Есть писцы трудолюбивые, ленивые, легко устающие, точные и «творческие». Одни любят графическую сложность, другие — простоту. Есть писцы, однообразно повторяющие одну и ту же ошибку. По своему отношению к тексту писцы так же разнообразны, как и в своем почерке. Текстологу очень важно изучить систему ошибок того или иного списка и увидеть за этой системой индивидуальность писца, различив то, что принадлежит последнему писцу, от того, что перешло в список от его предшественников.

Еще в большей мере это касается сознательных изменений, вносимых древнерусским книжником в текст. Мировоззрение писца, его политические идеи, его литературные вкусы должны рассматриваться как известного рода е д и н с т в о — единство, включающее в себя и все противоречия его мировоззрения и литературных убеждений, отдельные непоследовательности и недоработки.

Классифицировать изменения, вносимые в текст книжником, можно на основании разных признаков, деление может иметь разные принципы. При этом формальные признаки могут быть более четкими, чем признаки происхождения, когда текстолог должен выяснять — почему и в результате чего явилось то или иное изменение текста, однако указание на происхождение изменения все же наиболее важно, ибо оно позволяет увидеть за изменениями текста его конкретные причины, и только эти конкретные причины изменений текста в их совокупности могут связать разрозненные изменения в цельную картину истории текста.

Увидеть за рукописью ее создателя и создателей, как некие индивидуальности, — значит понять ее текст.

Текстология есть наука о создателях текстов, о людях прежде всего. Это положение имеет принципиальное значение для всей концепции данной книги.

В дальнейшем мы будем видеть, как это положение оказывается правильным в разных аспектах изучения текста.